

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

К. Н. Филиппцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 октября 2019 г.

Аннотация: автор анализирует в статье структуру политической культуры, раскрывая интегративную природу феномена, возникающего на пересечении политики, политического и культуры. Мир политического воспринимается и познается, оценивается и воспроизводится в зависимости от типа политической культуры, присущей народу. Политическая культура формируется на основе общественно-исторического опыта и включает семиотические образования, создающие единое поле смыслов, которые содержат коды политической деятельности, интерпретирующие политические явления и процессы и ориентирующие социальных агентов в мире политического, что позволяет политической культуре быть значимым фактором в развитии общества.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, структура политической культуры, символический капитал политической культуры, типы политической культуры, фактор политической консолидации, традиции и инновации.

Abstract: the author analyses in this article a structure of political culture and integrative nature of this phenomenon, arising in the intersection of politics, political and culture. The political word is perceiving by people through the culture identity. The political culture forms the integral field of senses, which contain codes of political activity, by the social-historical experience. The political culture is important factor in the social development, because this codes appearing as the ways of interpretation of political processes and political subjects.

Key words: social-culture identity, a structure of political culture, the symbolic capital of political culture, types of political culture, a factor of political consolidation, traditions and innovations.

Как показывает общественно-политическая практика, западно-европейская модель демократии не может быть реализована в государствах незападного мира, обладающего иной социокультурной идентичностью. Ввиду необходимости проведения политических реформ на пути движения государств к демократии встает проблема философского осмысления факторов, которые способствуют или препятствуют демократическому развитию. Политическая культура является одним из таких факторов. Важно понимать, что в философском познании мира политического мы имеем два относительно самостоятельных и взаимосвязанных уровня, а именно: предельно абстрактный анализ всеобщих свойств, отношений и состояний политической реальности и анализ политической сферы конкретных обществ; анализ мира политического как подсистемы социума

(социальности вообще) и на основе форм и механизмов его реального существования. Поэтому концепт политической культуры мы рассмотрим не только с позиции предельных оснований политического бытия, но и в контексте общественно-политического развития России и государств Западной Европы.

Феномен политической культуры возникает на пересечении политики, политического и культуры, синтезируя образующие его сферы и приобретая относительную самостоятельность наряду с отличительными чертами. Политическая культура подчиняется общим закономерностям развития культуры и мира политического и выражается в конкретных политических отношениях, возникающих, развивающихся и изменяющихся в процессе общественного развития. Системообразующим фактором совокупности элементов, содержащихся в политической культуре, являются мировоззренческие универсалии как предельные основания каждой исторически определенной культуры. Мировоззренческие универсалии имеют особые смыслы, которые А. С. Кравец называет «экстракты мысли, существующие в бытийности человеческого сознания» [1, с. 239]. Они характеризуют особенности политической культуры народа, свойственные именно этому народу понимание человека, истины, веры и отношение к власти и государству. Смыслы универсалий, преломляясь в сознании человека, приобретают личностный смысл в соответствии с накопленным жизненным опытом. Мир политического воспринимается и познается, оценивается и воспроизводится в зависимости от принадлежности народа к определенному типу культуры.

Векторы западного бытия, обозначенные О. Шпенглером, явно отличаются от мировосприятия русского мира: «Подлинная и неизменная структура всего фаустовского бытия есть то неописуемое, что проявляется как сила, воля, бесконечное пространство, стремление, даль в западноевропейском существовании, притом только в нем одном. Все положения и формулы отдельных мыслителей, церквей, течений и систем суть только вариации на данную тему» [2, с. 486]. В центре бесконечной всеобщности стоит действующий человек, не чуждый состраданию, но никогда не спешащий навстречу страждущему, стремящийся к преодолению, подавлению и самоутверждению. Русский идеал человека, формировавшийся на основе православия, ориентирован на общение в братстве и любви, что позднее найдет выражение в понятии «соборности», противоположной католической авторитарности и протестантскому индивидуализму. Соборность обозначает общинность (коммунитарность), которая не признает внешнего авторитета и не знает индивидуалистической замкнутости. Идея соборности, или всеединства, предполагает взаимосвязь со всеми людьми и миром в целом, а также ответственность за всех, поэтому человек выступает как сосредоточие множества человеческих связей или как соборная личность, стремящаяся к спасительности и способная на жертвенность.

Политическая культура является системным понятием, когда целое (политическая культура) берется как многоуровневая, взаимосвязанная

и взаимозависимая совокупность элементов. Взятые в системе элементы политической культуры обнаруживают новое содержание. Принципиально важно исследовать политическую культуру не как «изначально заданное» состояние, но как целостность, обладающую динамикой в процессе общественных изменений. Согласно Г. Алмонду и С. Верба, политическая культура общества «подразумевает политическую систему, как она интернализуется в когнитивных способностях, познаниях, ощущениях и оценках тех, кто его составляет» [3, с. 29]. Различая три типа политической культуры: *парохиальная, подданническая и участническая*, – они утверждали, что ни один тип политической культуры не существует в чистом виде, поэтому они выделяли дополнительно три типа системно смешанных политических культур: *парохиально-подданническую, подданническо-участническую и парохиально-участническую* [там же, с. 33, 41]. Изменение политической культуры от одного типа к другому стабилизируется в целом ряде точек некоего континуума и порождает совершенно разные политические, психологические и культурные смешения, имеющие значения для стабильности функционирования политической системы.

Сложившееся в отечественной политической философии понимание политической культуры отличает деятельностный подход и убежденность в более высокой значимости социокультурных факторов для политических процессов по сравнению с институциональными структурами и нормативно-правовыми актами. Подобная позиция превосходно вписывается в национальные интеллектуальные традиции, делавшие акцент на особенностях русской истории и культуры. В структуре политической культуры исследователи выделяют три группы элементов: *познавательные, нравственно-оценочные и поведенческие*, – включающие знания членов политики об устройстве политической системы, функция государственных учреждений и формах участия в политической жизни, отношение к верховной власти и политическим событиям, нравственную оценку субъектов и политических процессов, непосредственное политическое участие. Политическая культура охватывает те проявления политического сознания, поведения и деятельности, которые, фиксируя устойчивые, повторяющиеся связи между элементами политического процесса, характеризуются относительным постоянством, закрепляя тем самым наиболее стабильные стороны общественно-политического опыта. Политическая культура включает относительно устойчивые во времени элементы (стереотипы политического сознания, образцы политического поведения, политические и мировоззренческие ценности, обычаи и традиции), составляющие «ядро», и динамичные элементы, которые изменяются под воздействием политической ситуации и образуют «периферию».

Политическая культура пронизывает все сферы политической жизни, ибо носителем политической культуры является человек вне зависимости от занимаемого статуса в политических отношениях (актор, субъект или объект). Субъектно-объектные отношения в политических

явлениях и процессах закрепляют основное содержание политической культуры. Вовлеченные в политическую сферу граждане способны соотносить политические действия с существующими правилами и нормами, общепринятыми мнениями и стереотипами поведения, воспроизводить объективную политическую реальность и изменять политическую систему в соответствии с идеалами и ценностями, которыми они руководствуются. Как писали Г. Алмонд и С. Верба: «При рассмотрении составных частей – компонентов политической системы – мы в первую очередь различаем три широких класса объектов: 1) конкретные *роли* или *структуры*, такие как законодательные органы, органы исполнительной власти или бюрократия; 2) *исполнители* возложенных на них ролей, например, такие как конкретные монархи, законодатели и администраторы; 3) конкретные публичные *политические действия, решения* или *проведение в жизнь* таких решений» [там же, с. 31]. Когнитивные, эмоциональные и оценочные ориентации как психологические ориентации по отношению к политическим объектам логически предполагают действия не только политических институтов, представленных конкретными лицами, но и граждан, вовлеченных в административный и политический процессы («выходной» или «входной»). Неудивительно, что политическая культура претендует на роль связывающего звена между микро- и макроуровнем мира политического. Однако концептуализация подобной связи на практике оказывается сложной задачей вне зависимости от индивидуального или социетального уровня исследования.

К. Ф. Завершинский, используя творческие интенции П. Бурдье, Э. Гидденса, П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривает социальную систему как воспроизводящиеся социальные практики, включающие организованное взаимодействие между группами и индивидами, которые занимают определенные позиции относительно друг друга (верхние, средние или нижние). Упорядоченные в пространстве и времени, социальные практики означают осуществленные социальными агентами изменения, которые порождают многообразные «различия», закрепляющиеся в материальной и идеальной форме и соединенные объективными и субъективными связями. Таким образом, социальная система представляет собой структурированную целостность, включающую реальные отношения социальных агентов и установившихся практик (институтов) Последние, несмотря на общественные преобразования, не выступают в качестве абсолютной детерминанты по отношению к человеку и сохраняются членами сообщества [4, с. 21–22].

За объективированными социальными практиками скрыты исторически изменчивые символические структуры, которые образуют механизм перевода символического содержания требований институтов на язык повседневности, и наоборот, поэтому символический план в процессе конструирования социального порядка и легитимации приобретает особое значение. Субъективные символические схемы интерпретации хабитусных институциональных правил (по Бурдье) и способности к стратегическому поведению (по Гидденсу) поддерживают возможность

свободного продуцирования членами сообщества деятельности и мыслей. Отсюда политическое и культурное пространства социума могут быть представлены объективными (институты и ресурсы) и субъективными структурами (схемы мышления и поведения социальных агентов), формирующими представления о культурно-политической реальности в виде символических схем, благодаря имманентной способности человеческого сознания по конструированию объективной смысловой взаимосвязи. Политическая и культурная идентичности проявляются также как когнитивные знаковые структуры представлений о себе социальных агентов. Понятие культуры, по мнению автора, подразумевает «процесс разумно-духовной организации социума, а политическая культура – дискурсивно-символический способ интеграции политической действительности в разумную и духовную целостность» [5, с. 123]; ядро политической культуры включает «целостность габитусных, нормативно-процедурных и ценностных когнитивных схем» [4, с. 29].

Действительно, политическая культура формируется на основе общественно-исторического опыта и включает семиотические образования, создающие единое поле смыслов, которые содержат коды политической деятельности (язык, жесты, парады, герб, флаг), интерпретирующие политические явления и процессы и ориентирующие социальных агентов в мире политического, что позволяет обеспечить взаимосвязанную целостность символических схем целедостижения власти, институтов и коммуникаций – участников политических взаимодействий. Политическая культура не сводится только к состоянию общественного и индивидуального сознания, но включает и бессознательное (архетипы К. Юнга как бессознательные коллективные переживания), проявляемое на уровне общения и действия, уровне главных смыслов и ценностей, которые выражены мировоззренческими универсалиями. Ядро политической культуры не следует рассматривать как механистическое соединение или соподчинение габитусных, нормативно-процедурных или ценностных когнитивных схем, но в качестве *генерализирующего кода политической легитимации* утверждающегося институционального порядка. Благодаря взаимосвязанной целостности символических схем целедостижения ядро политической культуры приобретает функцию интегративного механизма, и, следовательно, политическая культура в целом – фактора политической консолидации.

Рассмотрим реализацию интегративного потенциала политической культуры через традиции и ценности, как составные элементы «ядра». Общественно-политический опыт формирует разные традиции, которые определяют свойства политической культуры: во Франции политические силы (субъекты и акторы) обладают способностью при необходимости объединиться и принудить власть к желательным действиям (эмоциональные и оценочные ориентации доминируют над когнитивными); в Великобритании преобладают консервативные начала в политической культуре (эмоциональные ориентации подчиняются когнитивным, которые служат основанием оценки политических объектов), так как ввиду

островного положения она обособлена от другой Европы, что затрудняет внешнее воздействие (революций и войн) и создает возможность рационально оценить ситуацию с позиции национальных интересов Британии (Brexit только подтверждает это, ибо евроинтеграция нарушила допустимый баланс между британцами и иммигрантами, что подрывает основы британской социокультурной идентичности).

Политическая культура России характеризуется этатистско-патерналистскими отношениями между государством и обществом, поэтому в политическом сознании россиян общество и государство слиты воедино. Образование нашего государства сопровождалось политическими и военными катаклизмами. Прочность государства испытывалась внутренними (политическая раздробленность, борьба за первенство русских князей) и внешними вызовами (немецко-шведская агрессия, монголо-татарское иго и польско-литовская экспансия), в результате которых Россия потеряла часть западной и юго-западной территории (включая столицу Киев), что отодвинуло западную границу на восток. Объединение русских земель вокруг Москвы и воссоздание единого государства завершаются только в XVI в., но и в последующие века русская территория являлась объектом притязаний со стороны иностранных государств. Усилия россиян по сохранению государственного суверенитета породили убежденность в обязанности государства обеспечивать благополучие подданных. Исторически сложившиеся взаимоотношения власти и народа были и остаются основанными на солидарности и доверии. Отсутствие доверия к власти порождало антиправительственные движения, приводившие к ослаблению власти и государства, – обстоятельства, которые использовали внешние силы, чтобы подчинить и ограбить Россию.

Политические традиции как один из способов политического бытия и воспроизводства элементов политического опыта обеспечивают преемственность и устойчивость общественно-исторического развития. Они включают институты, формы сознания и нормы поведения, обладающие ценностным содержанием, и потому общепризнанную часть политического наследия общества. Политические традиции осуществляют преемственность форм политической деятельности в результате политической социализации и содержат одновременно консолидирующий потенциал, объединяя носителей одинакового политического опыта, и инновационный потенциал, который проявляется в способности традиции обновляться в соответствии с требованиями времени. Политические традиции не обладают универсальностью, под которой мы понимаем некритическое воспроизведение традиционной нормы, но они творчески переосмысливают ранее принятые стереотипы, формы и модели, чтобы обеспечить будущее существование народа. Поэтому природа традиции неоднозначна, ибо она проявляется, с одной стороны, в олицетворении неизменности, с другой – в выражении преемственности человеческого бытия, что предполагает процесс развития.

Традиция выступает конституирующим началом социальной идентичности. Сформированная традиция иногда приобретает черты и

статус идентичности, что приводит к смешению понятий, так как оба содержат одинаковый ценностно-нормативный контекст, который воспринимает и политическая культура, формой проявления которой являются политические отношения (например, сословное деление общества, формирующее дворянскую и крестьянскую идентичность). Разрушение традиционных основ общества рассматривается как утрата способности к осмысленной и целенаправленной деятельности, что вызывает кризис идентичностей и сопротивление инновациям. Осмысливая антитезу «традиция-инновация», следует отметить, что отношение к традиции с позиции отставания и апологии устаревших форм ставит традицию в неравноправное положение с инновациями. Позиция развития, наоборот, включает традицию в конструктивное взаимодействие с нововведениями по преобразованию общества. Отвечая на вызовы времени, традиция ориентируется на обновление, и инновации утверждаются в виде органической части, которая не противоречит ценностно-нормативному контексту, присущему обществу.

Традиции и ценности в политической культуре выполняют устройтельную функцию мира политического, поддерживая соответствие политической культуры и политической структуры, формируя лояльные ориентации членов общества по отношению к политическим объектам, а значит, легитимируя существующий институциональный порядок. Игнорирование традиций и ценностей приводит к нарушению гармонии между политической культурой и политической системой, что обуславливает общественную нестабильность. Политические традиции содержат политический опыт, дающий актерам возможность приобрести способность управлять диссонирующими политическими ролями, а именно: диффузной ролью подданного на «выходе» и активистской ролью на «входе», – что приобретает актуальность при социальных изменениях.

Итак, политическая культура представляет собой систему семиотических образований, несущих информационные коды, закрепляющие и передающие в процессе политической деятельности постоянно обновляемый политический опыт от поколения к поколению в многообразных знаковых и символических структурах, которые содержат главные смыслы и ценности, выраженные мировоззренческими универсалиями. Благодаря взаимосвязанной целостности символических схем целедостижения ядро политической культуры выступает в качестве генерализирующего кода политической легитимации существующего институционального порядка. Традиции и ценности в политической культуре являются инструментом политической консолидации общества. Единство традиций и инноваций обеспечивает общественную стабильность и развитие общества по пути прогресса.

Литература

1. *Кравец А. С.* Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : Издат.-полигр. центр Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 302 с.

2. Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер ; [пер. с нем. Н. Ф. Гарелина ; авт. коммент. Ю. П. Бубенков, А. П. Дубнов.]. – Минск : Поппури, 2009. – Т. 1: Образ и действительность. – 656 с.

3. Алмонд Г. Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба ; [пер. с англ. Е. Генделя]. – М. : Мысль, 2014. – 500 с.

4. Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры : опыт методологической рефлексии / К. Ф. Завершинский // Полис. – 2002. – № 3. – С. 19–30.

5. Завершинский К. Ф. Концепт легитимности как дискурсивная основа анализа политической культуры / К. Ф. Завершинский // Принципы и практика политических исследований. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 119–125.

Воронежский государственный университет

*Филипцев К. Н., соискатель кафедры истории философии и культуры
E-mail: k.fliptsev@mail.ru*

Voronezh State University

*Filiptsev K. N., Competitor of the History of Philosophy and Culture Department
E-mail: k.fliptsev@mail.ru*